

A. B. Мальцев

СМЫСЛОЖИЗНЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Работа представлена кафедрой философии

Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Научный руководитель – доктор философских наук В. А. Гура

Развитие современного общества требует его концептуализации, невозможной без обращения к смысложизненной проблематике, поэтому решение проблемы смысла человеческой жизни становится как индивидуальной, так и социальной необходимостью. Статья обращается к рассмотрению социальных аспектов данной проблемы, исследуя ее особенности в рамках концепций современного общества.

Contemporary society in its development faces the need of being conceptualised in order to acquire its meaning, which can be achieved through resorting to the meaning of human life problem. Thus, providing a certain answer to this problem becomes both personal and social necessity. Contributing to the research of social aspects of the problem, the article examines its peculiarities in the framework of present-day society concepts.

Существенные тенденции развития современного общества и современность в целом не получили еще единого социально-философского объяснения¹. Проблема концептуализации социума подразумевает определение границ социально-философского плюрализма путем нахождения точки зрения, обосновывающей относительную правомерность каждой из его концепций. Существование такой позиции возможно лишь в рамках антропологического подхода к изучению социума, ядро которого составляет смысложизненная проблематика,

поскольку все попытки концептуализации современного общества антропоцентричны и обращены к образу живущего в нем человека. Осмысление человеком своей жизни, себя и общества делается все более насущным для социума. Без него социальное рискует стать неопределенным и не закрепленным в индивидуальной реальности; ведь в ответе на вопрос о смысле жизни люди определяют свою жизненную стратегию, включающую в себя и линии социального поведения, совокупность которых образует контур общества. Концепции со-

временного общества стремятся объяснить социальные процессы и их трансформации в русле одной понятийной схемы: риска, информации, коммуникации, потребления и т. д. В них социальное осмысливается прежде всего через антропологическое начало в нем, обращенное к проблеме смысла человеческой жизни.

Концепция общества риска, развивающаяся в работах У. Бека и других исследователей, является одной из наиболее актуальных попыток осмысливания современности. Общество риска появляется как ситуация осознания человечеством того, что оно «впервые в истории конfrontирует с искусственно созданными и более чем реальными перспективами самоуничтожения»². В понимании риска, объединяющем в себе противоречивые черты социального развития, все отчетливее видны этические аспекты проблем выбора и принятия решений. Поскольку «именно там, где традиции и ценности пришли в упадок, как раз и возникают риски»³, в пространстве риска проявляется необходимость в новых системах ценностей, создаваемых в смысложизненном поиске индивида. У. Бек полагает, что «эта ценностная система индивидуализации содержит в себе начало новых этик, базирующихся на принципе «обязанностей по отношению к самому себе». Это сталкивает традиционную этику с трудностями, поскольку обязанности неизбежно носят социальный характер, согласовывают и переплетают поступки каждого с жизнью всего общественного организма»⁴. Данное столкновение социального с индивидуальным происходит наиболее интенсивно в процессе смысложизненного поиска личности.

В защите человека от тех рисков, с которыми он не только не может самостоятельно справиться, но которые он не всегда даже способен и желает идентифицировать, современное общество получает новый импульс, обосновывающий его существование, отличающийся от гарантирования выживания индивида (в доиндустри-

альном обществе) и создания достаточно-го уровня его обеспеченности и комфорта (в индустриальном обществе). Основные тенденции социального развития (информатизацию, технизацию, анонимизацию, расширение публичной сферы и т. д.) во многом можно считать способами компенсации осознания этих опасностей. Данные процессы существенно влияют на содержание смысложизненного поиска личности, который можно рассматривать не только как экзистенциальный, но и как социальный феномен. В этой трансформации смысложизненного поиска самой по себе можно найти ключ к возрастанию неудач на его пути и обессмысливанию социальной действительности. В той мере, в какой человек пытается обрести смысл жизни способом, аналогичным стремлению к какому-либо социальному благу, многие неудачи смысложизненного поиска связаны с отсутствием экзистенциальных эквивалентов социальным достижениям. Сохраняя функцию оценивания индивида, общество неспособно быть смыслопорождающей сущностью, поэтому формулирование ценностей в нем заменяется безоценочностью, признанием равенства различного, что не только не осмысливает, но и не подтверждает осмыщенности человеческой жизни.

В размышлениях о современности в терминах общества риска, социальное конструируется в процессах формулирования угроз, стоящих перед социальными группами, их оценки (определения вероятности их возникновения) и воздействия на них. Можно выделить три этапа становления общества риска: контролирующее общество (характеризующееся стремлением предотвратить все неблагоприятные социальные процессы и рассмотрением рисков как политических проблем), технократическое общество (особенностью которого является стремление не предотвращать социальные риски, но управлять ими, при этом риски считаются техническими проблемами, решения по которым принимают-

ся специалистами, но утверждаются политическими акторами) и общество неопределенности (в котором все тенденции общества риска предстают в своей полноте: возможные социальные риски и последствия принятых решений не могут быть точно определены, вследствие чего риски становятся моральными проблемами, в решении которых компетентно только гражданское общество). В обществе риска человек осознает себя находящимся в ситуации постоянной потенциальной опасности, в том числе – со стороны глобальных проблем современности. Вследствие этого признания собственной беззащитности, обостряющего осознание того, что индивидуальная жизнь в любой момент может завершиться, жизнь воспринимается уже не как проект, но как конструкт: «приватное существование все более сильно и явно зависит от обстоятельств и условий, которые полностью ему неподвластны»⁵.

Осознание современности в качестве общества риска свидетельствует об актуализации потребностей человека в безопасности (А. Маслоу причислял к ним «потребность в безопасности, в стабильности; в зависимости; в защите; в свободе от страха, тревоги и хаоса; потребность в структуре, порядке, законе, ограничениях»⁶ и т. п.). Однако никакой социум не может обеспечить полную безопасность личности, хотя уровень этой безопасности и осознанности различных рисков, которым она подвержена, являются показателями его развитости. Поэтому понимание открытости человека множеству рисков в современном обществе не только позволяет воспринимать его как общество риска⁷, но и свидетельствует о достижении достаточно высокого уровня удовлетворения потребности личности в безопасности. Основой стремления к безопасности является потребность осмыслиения человеком своей жизни, поскольку только осмыщенная жизнь безопасна в наиболее глубоком, мировоззренческом значении. Так, А. Маслоу считает,

что «тягой к безопасности в какой-то мере объясняется также исключительно человеческая потребность в религии, в мировоззрении, стремление человека объяснить принципы мироздания и определить свое место в универсуме»⁸. В этом отношении и о риске можно говорить прежде всего как о способе осознания необходимости осмыслиения человеком своей жизни.

Размышления о риске сопровождают попытки поиска безопасности после признания полной безопасности недостижимой. Риск становится парадигмой небезопасности действительности. Одновременно с переходом от «в целом безопасного» традиционного и индустриального общества к «небезопасному» обществу риска, проходит кризис осмыслинности, ярко выражавшийся в постмодернизме. Представлению о неразделимости осмыслинности и безопасности брошен вызов самой трансформацией социума в общество риска, в котором нестабильность становится фундаментальной характеристикой. Риск служит катализатором смысложизненного поиска личности и, одновременно, – критерием осмыслинности, поскольку смысл теперь должен стать значимее всякого риска. Таким образом, переход от парадигмы безопасности к парадигме риска интерпретируется уже не как создание ситуации обесмысливания и разрушения смысла, но как дальнейшая актуализация смысложизненной проблематики и увеличение требовательности к смыслу. Здесь поиск безопасности не меняется стремлением к избеганию риска, а желание осмыслиения своей жизни – избеганием ситуаций возможного обесмысливания.

Угроза обесмысливания есть наиболее значимый риск, с которым сталкивается человек, что позволяет описывать в категориях риска и процесс осмыслиния человеком своей жизни. Можно провести аналогию между подходами к проблеме смыслла жизни и к процессам общества риска. Осмысление жизни, как и риск, всегда ве-

роятностно. Более того, угроза неосуществления смысла столь же существенна для его реализации, как и угроза бессмыслицы для его осознания – ведь, как писал Ф. М. Достоевский, «бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие»⁹. Разделение осознаваемого и неосознанного смысла жизни соответствует различию осознанного и неосознанного рисков. Осуществление смысложизненного выбора схоже с выработкой решения в ситуации риска. Оба эти процессы сопровождаются моральными обязательствами перед будущим «я» и перед будущим общества соответственно, которые соединяются в ответственности перед будущими поколениями людей. В целом, риск несет в себе функцию экспликации смысложизненной проблематики, ведь «ощущение риска возникает тогда, когда предмет затрагивает смысл нашего существования»¹⁰.

В обществе риска множество противоречий смысложизненного поиска объясняется его модификацией по направлению к смысложизненному выбору, ориентированному на возможно более длительную перспективу, которым, однако, он не может быть заменен. В попытках приравнивания смысложизненного поиска к выбору теряется дистанция между смыслом и бессмыслицей (что порождает неопределенность смысла) так же как в обществе «различие риска и отсутствия риска исчезает, поскольку уклонение от принятия решения также является, по сути дела, решением»¹¹. Кроме того, в силу нестабильности принимаемых в обществе риска решений, смысложизненный выбор оказывается принципиально незавершенным и обратимым. В смысложизненном поиске осмысление понимается как комплексный процесс, неотделимый от переживания жизни, а с позиции смысложизненного выбора оно предстает как наиболее важный результат деятельности человека. Осмысление жизни не происходит автоматически, поскольку требует не только ее проживания, но и ее понимания, которое не может быть раз-и-на-

всегда данным. Поэтому смысложизненный поиск человека оказывается принципиально незавершаемым, но, в то же время, внутренне завершенным. Как и риск, он подобен «бездонной бочке потребностей, которая постоянно, без конца самообновляется»¹². Итак, в обществе риска осознается необходимость смысложизненного поиска личности, однако восприятие смысла как выбора человека становится существенным препятствием для осмысления его действительности.

Современное общество как информационное ставит проблемы осмысления чрезмерного и возрастающего изобилия информации (человек более не успевает за свою жизнь ознакомиться со всей информацией, относящейся к любой предметной области) и выбора данных, знаний и компетенций, действительно необходимых индивиду. В исследовании информационного общества акцентируется социальная роль сообщений. Общество предстает как метатекст, социальные факты – как текстуальные, социальные процессы – как контекстуальные. В качестве творцов, получателей, переработчиков и распространителей информации, люди становятся главной составляющей социальности. Более того, подобно неотделимости информации от формы ее выражения, знания соединяются с их носителями, и люди оказываются также пространством осуществления социальных процессов. «Постоянная информационная связь с окружающим миром, социальной средой... является одним из важнейших условий нормальной жизнедеятельности, а также формирования представлений о смысле жизни»¹³, поэтому оправданно представление о смысложизненном поиске как об информационном процессе. Сама множественность информации взыскивает единства, точки отсчета, по отношению к которой данные можно оценивать и сопоставлять. Такой позицией для человека, исходя из которой интерпретируются любые другие данные, становится смысл его жизни.

С увеличением разнообразия и объема информации усиливаются опасения того, что жизнь теряет свою осмысленность (и даже появляются утверждения о принципиальной бессмысленности и внеэтичности жизни). Однако они неоправданы, ведь само понятие информации подразумевает способность различных данных иметь идентичную структуру и, следовательно, их возможность соотноситься с одним и тем же смыслом. В то же время, информационная цивилизация, пропуском в которую служит «требование адаптации к ее логике, ее языку, ее «проходному баллу», ее кодировке и декодировке»¹⁴, и где даже «вопрошая о смысле собственной жизни, – мы обращаемся к теоретическому знанию»¹⁵, ставит трудные вопросы о том, в какой мере смысл жизни и смысложизненный поиск человека остаются личностными, а не подсказываются и не выбираются из предлагаемых обществом альтернатив.

В отличие от концепций информационного общества, представление о современном социуме как о коммуникативном основываются на его анализе с помощью изучения не содержания передаваемых в нем сообщений, но каналов их передачи. Так развитие общества предстает как процесс увеличения и качественного изменения способов коммуникации людей, выражающий возрастание степени их взаимосвязанности. Говоря о смысле жизни с этой позиции, нужно заметить, что он диалогичен и формируется в коммуникативном поле. К тому же он выступает как содержание наиболее глубинного общения людей и основа всех других типов коммуникации. Смысл человеческой жизни эксплицируется в коммуникации, которая в свою очередь является одной из необходимых, но недостаточных предпосылок его осознания. Поскольку смысложизненный поиск онтологически раскрывается во внутреннем диалоге человека (хотя динамически предстает в процессе его коммуникации в целом), его можно рассматривать как структурирование соот-

ветствующих вопросов и ответов. Однако он не исчерпывается какой-либо конечной последовательностью коммуникативных актов, являясь латентным содержанием и побудительным мотивом всякой коммуникации. Кроме того, характер и эффективность коммуникации задаются, в конечном счете, степенью осознания человеком смысла его жизни. Сама коммуникативность не становится смыслом жизни, так как она есть лишь средство поиска, понимания и выражения априорного смысла участвующих в ней, переходное звено от осознавания смысла к его воплощению. И, так как поиск смысла жизни основывается на коммуникации, он превращается в социальный процесс. Рассматривая процесс смысложизненного поиска как коммуникативный – воспринимая его посредством вопросов о том, кто говорит, что, кому, по какому каналу и с каким эффектом, можно утверждать, что в современном обществе число каналов смысложизненного поиска увеличивается за счет снижения результативности этой коммуникации в целом, и поэтому неудачи как этапы такого поиска сами становятся предметом осмысления.

Анализ современного социума в качестве медиакультурного подразумевает достижение определенной стадии развития социальных коммуникаций, при которой общества «постепенно заменяют свои взаимодействия с окружающими средами взаимодействиями с собой»¹⁶. В результате такой «операциональной замкнутости» исчезает различие между социальными фикциями и фактами и появляется альтернативная медиакультурная реальность, в которой правда слита с вымыслом. Эта реальность неотделима от самосознания людей как «наблюдаемых наблюдателей», которые используют коллективное знание, не имея возможности его проверить. Представления о смысле жизни аналогичным образом внутренне замкнуты и в значительной мере могут быть лишь приняты на веру, но не проверены.

Медиакультурное общество актуализирует сближение смысла и знака. Однако поскольку знак может быть как осмысленным так и бессмысленным (симулякр), но в любом случае – не осмысливающим, то процессы распознавания знаков в окружающей реальности не заменяют смысложизненного поиска личности, который нацелен теперь не только на обретение смысла, но и на нахождение знаков смысла. Знаки осмысления, в свою очередь, составляют образ человека и общества, которым они стремятся сами себя оправдать: «Род колосального коллективного нарциссизма ведет общество к тому, чтобы смешать себя с образом и оправдывать себя посредством образа, который оно имеет о себе самом»¹⁷.

Рассмотрение современного общества как массового подразумевает повышенное внимание к возрастающей анонимности и подавлению разнородности общества во имя его идентичности. В таком обществе индивиды «рассматривают себя и других во многом так же, как они смотрят на товары, которые производят или потребляют»¹⁸. Омассовление общества подразумевает также навязывание индивидуальных желаний наряду с попытками оттеснить цели человека, в том числе стремлениями сделать их зависимыми от средств их достижения, результатами чего становятся деформация и возрастающая неустойчивость потребностей индивидов, и, вследствие этого, размывание существующих ценностей и образование аксиологического вакуума. В массовом обществе индивид переживает возможность потери своей уникальности, которая заменяется индивидуализацией. Этот процесс, спроектированный на смысложизненный поиск личности, означает ущербление подмены смысложизненной проблематики рационализацией жизни индивида с помощью наиболее общих и стандартизованных фигур мышления.

Современный социум, познаваемый в качестве общества потребления, заостряет вопрос о бессмысленности в человеческой

жизни, считая и смысл тоже потребимым, конечным и изменчивым. Здесь происходит смешение понимания смысла и ценностей, воспринятых наиболее утилитарно и функционально (неслучайны, например, размышления о смыслах вместо смысла). Смысл всегда противопоставлен ценностям (несмотря на то, что его иногда считают высшей ценностью) не только как единое – множественному, но и как наивысший императив – опциям диспозитивного выбора. В результате игнорирования этого противопоставления и смешения категорий смысла и ценностей, смысл и бессмыслица образуют в социальном кажущуюся целостность, из которой уже не выделяют собственно смысл, подобно тому как в обществе потребления «невозможно выделить полезное и пожелать вычесть излишек»¹⁹ («излишком» в потреблении является все, что служит не удовлетворению потребностей человека, но выражению его стремления к определенным ценностям).

Концепция общества потребления акцентирует внимание на трансформации среды обитания человека в современном обществе, которая перестает быть природной и гуманизированной? становясь преимущественно опредмеченной: «мы живем, по существу, не столько в близости к другим людям, не в присутствии их самих и их размышлений, сколько под немым взглядом послушных и заставляющих галлюционировать предметов»²⁰. Смысл не может проявиться в коммуникации с предметами, следовательно и потребление неспособно быть осмысливающим фактором. Поэтому смысложизненный поиск человека, поиск вечности, должен преодолевать стремление к веществу, выявляя не предметность, но антропомерность социального бытия. Смешение можно счесть сутью потребления, которое поэтому выступает против всякого трансцендирования, в том числе – против трансцендентного смысла, тем самым фокусируясь на вопросе о существовании имманентного смысла: «одна из фундамен-

тальных проблем, поставленных потреблением, заключается в следующем: организуются ли люди с целью своего выживания или же потому, что они хотят придать своей жизни определенный индивидуальный и коллективный смысл?»²¹

Рассмотрение концепций современного общества в их взаимосвязи с экспликацией проблемы смысла жизни человека позволяет утверждать, что существует не только тесная взаимосвязь, но и значительная концептуальная близость смысложизненной и социально-философской проблематики. Это сближение основано на плюралистичности их концепций (невозможно исключить из рассмотрения каждый из типов обоснования смысложизненной проблематики и любую из концепций современного общества без ущерба для их понимания), их междисциплинарном и мировоззренческом характере, их претензиях на всеохватность (проблема смысла жизни воспринимает всеобщего через познание человека, социально-философские концепции – в познании общества, тем самым социально-философская и смысложизненная проблематика не только не могут существовать обособленно, но и взаимоопределяются) и наиболее глубоком соединении в них индивидуального и общественного бытия (так, социальное содержит в себе существующие смысложизненные ориентации, поэтому вся социальная динамика «есть по сути дела история поиска (как стихийного, так и осознанного) и обретения человеком смысла его жизни»²², а то или иное решение проблемы смысла жизни осмысливает также и конкретный исторический период).

Осознание кризиса осмысленности существования в современном обществе непосредственно связано с его спецификой. Стремление к равноправию его концепций оборачивается размыванием осмысленно-

сти как социума, так и человеческой жизни в целом. В свою очередь, любая смысложизненная позиция человека ограничивает плюрализм социальных концепций и имплицитно формирует представление о современном обществе. Более того, термины, описывающие состояние современного социума, предлагают новый ракурс формулирования и рассмотрения смысложизненной проблематики, в котором можно увидеть устойчивую аналогию между этими феноменами. Все это позволяет сделать вывод о том, что проблеме смысла жизни можно рассматривать на индивидуальном, межличностном и социальном уровнях (в отличие от традиционного представления о ней только как о личностной проблеме). Индивиды, социальные группы и общества как уровни актуализации смысложизненной проблематики характеризуются не только особенностями ее влияния на них, но и определенным контекстом осуществления поиска смысла жизни, в который они включены. Проблема осмысления заложена в самих параметрах современного общества, и для ее анализа необходимо обращаться к исследованию особенностей современности. Необходимость социально-философского рассмотрения проблемы смысла жизни связана также с тем, что она различно формулируется в разные исторические периоды, и, кроме того, сами значения терминов, в которых она оказывается схвачена, являются изменчивыми. Следовательно, не только индивидуальный субъект, но и социум является инстанцией формулирования данной проблемы и, соответственно, имплицитно определяет степень ее разрешимости. При этом социальный уровень рассмотрения проблемы смысла жизни неотделим от концептуализации современного общества и его изучение в настоящее время приобретает все большее значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Будь то в рамках концепций «общества риска» (У. Бек), информационного (М. Кастельс и др.), постиндустриального (Д. Белл и др.), супериндустриального (Э. Тоффлер), технотронно-

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

го (З. Бжезинский) общества, общества масс (Х. Ортега-и-Гассет, С. Московичи, Т. Адорно и др.), общества потребления (Ж. Бодрийяр и др.), «общества спектакля» (Ги Дебор), медиакультурного общества (З. Шмидт) и т. д.

² *Бехман Г.* Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 40.

³ *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 271.

⁴ Там же. С. 143.

⁵ Там же. С. 193.

⁶ *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. С. 81–82.

⁷ Здесь риск понимается в наиболее широком значении: не в качестве измеримой угрозы, но как неопределенность и нестабильность.

⁸ *Маслоу А.* Там же. С. 85.

⁹ *Достоевский Ф. М.* Записные книжки. М.: ВАГРИУС, 2000. С. 130.

¹⁰ *Волкова Н. Г.* Риск как феномен человеческого поведения // Человек в современных философских концепциях: Материалы Четвертой междунар. конф. В 4 т. Т. 4. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 691.

¹¹ *Бехман Г.* Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 31.

¹² *Бек У.* Указ. соч. С. 26.

¹³ *Молодцова И. В.* Информационное поле как среда, формирующая представления человека о смысле жизни // Человек в современных философских концепциях: Материалы Четвертой междунар. конф. В 4 т. Т. 4. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 346.

¹⁴ *Кастельс М.* Цит. по: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 142.

¹⁵ *Уэбстер Ф.* Там же. С. 76.

¹⁶ *Schmidt S. J.* Media Societies: Fiction Machines // Critical Studies. 2001. Vol. 16. P. 12.

¹⁷ *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. С. 243.

¹⁸ *Cook D.* Adorno on Mass Societies // Journal of Social Philosophy. Spring 2001. Vol. 32. № 1. P. 37.

¹⁹ *Бодрийяр Ж.* Указ. соч. С. 70.

²⁰ Там же. С. 5.

²¹ Там же. С. 68.

²² *Шаронов В. В.* Основы социальной антропологии. СПб.: Лань, 1997. С. 143.